

Манапова Виолетта Эльдаровна**Manapova Violetta Eldarovna**

доктор философских наук,
профессор Дагестанского государственного
университета народного хозяйства

D.Phil., Professor, Dagestan State
University of National Economy

**ТРАНСФОРМАЦИЯ КУЛЬТУРНЫХ
КОДОВ: ОТ ОБРАЗА К СИГНАЛУ****TRANSFORMATION OF CULTURE
CODES: FROM IMAGE TO SIGNAL****Аннотация:**

В статье рассматривается проблема функционирования культурных кодов. Отмечается, что на протяжении истории человечества культурные коды помогли постичь смыслы и основания культуры. Язык культуры представляет собой основной этнический признак и хранилище культурного наследия. В условиях глобализации национальное самосознание подвергается влиянию массовой культуры. Национально-обособленное растворяется в глобально-универсальном. Отмечается, что под влиянием технического прогресса и глобализации все большую роль играют искусственные коды. В современном мире интернет берет на себя функцию хранения информации, в то время как информация становится «поскутной», а наше сознание – «клиповым». В заключение делается вывод о том, что компьютерные технологии способствуют упрощению интеллектуальных способностей, так как превращаются в технологию забывчивости.

Ключевые слова:

культура, код, символ, смыслы культуры, информация, искусственный язык, глобализация, технология, постчеловек.

Summary:

The study examines the problem of culture codes functioning. The research reveals that, throughout the history of humanity, the culture codes have helped to understand the meanings and foundations of culture. The language of culture is regarded as the basic ethnic element and the storage of cultural heritage. In the context of globalization, national identity is influenced by mass culture. National specific items vanish into globally universal ones. The study notes that artificial languages play a larger part in terms of technological advances and globalization. In the modern world, the Internet performs the function of storing information while society deals with patchwork information and clip consciousness. The author concludes that computer technology impairs intellectual abilities as it turns into the technology of forgetfulness.

Keywords:

culture, code, symbol, cultural meanings, information, artificial language, globalization, technology, post-human.

Языки культуры служат выражению смыслов культуры, и в этом плане система кодов культуры как смыслоразличимых признаков – необходимое явление. Предмет семиотики, науки о коммуникативных системах и знаках, по мнению Ю.М. Лотмана, достаточно прост. Отвечая на вопрос, что такое семиотика, известный советский культуролог подчеркивал, что символ прежде всего отражает сакральный смысл [1]. Символ – это социально-культурный знак, содержание которого представляет собой идею, постигаемую интуитивно. Символы, восходящие к дописьменной эпохе, обладают большой культурно-смысловой емкостью (круг, крест, пентаграмма), так как символы, как тексты архаичные, служат основанием всякой культуры.

Представители структурно-семиотического метода пытались интерпретировать культуру как единство неких кодов и определенную структурно упорядоченную данность. К примеру, М. Фуко говорил об «основополагающих кодах любой культуры». При анализе культуры в первую очередь следует уделять внимание содержанию и пониманию, своего рода «расшифровке» культурных текстов, в связи с чем понятие «код культуры» становится актуальным. Мир сигналов рассчитывается в битах информации, в то время как мир смысла обеспечивает связь человека с нормами, образами и ценностями данной культуры, что позволяет понять преобразование значения в смысл.

Культурный код позволяет расшифровать поведенческие реакции этноса. Код культуры – это коллективное бессознательное, своего рода ключ к пониманию культуры, включающий в себя набор культурных архетипов, скрытых от понимания, лежащих в основе этнического самосознания. В древнейших цивилизациях система имен играла роль важнейшего культурного кода. Существовало убеждение в необходимости иметь тайные имена, известные только старейшинам, помимо имени, употребляемого в обиходе. Подобная «информационная блокада» имени была связана с тем, что имя отражало социальный статус человека. «Моделирование “вторичного рождения” человека, или его усыновления, выполняло двойную функцию: практическую фиксацию “начала новой жизни” и магического отпугивания враждебных духов» [2].

Время также может принять форму кода, как отмечает Л.А. Штомпель; культура самосознающая всегда обозначает дату своего рождения и сохраняет ее исторической памятью народа.

К примеру, для христианской культуры это Рождество Христово, для буддизма – нирвана Будды, для мусульманской культуры – хиджра, т. е. переезд Мухаммеда из Мекки в Медину [3]. Такой «датой рождения» могут быть и другие события, придающие высший смысл и осознаваемые как священные и значимые.

Язык (вербальный и невербальный) может выступать примером культурного кода. Будучи неотъемлемой частью духовной культуры, язык служит инструментом для передачи смыслов от одного коммуниканта к другому. Ф. Ницше отмечал: «Каждый народ говорит на своем языке о добре и зле – этого языка не понимает сосед» [4, с. 35]. Национально-специфические особенности, не всегда осознаваемые при внутрикультурном общении, становятся очевидными в случае столкновения вербальных и невербальных культурных проявлений в межкультурном диалоге. Языки – явление предопределенное: своим правилом, самоуправлением, беспощадной логикой. Ж. Бодрийяр писал: «Каждый подчиняется закону коммуникации и обмена, но одновременно – некоей внутренней нерушимой связи, и, как языки, они всегда были и навсегда останутся непереодоимыми с одного на другой. И звучат они так “красиво” потому, что остаются чужими друг для друга» [5, с. 208]. Язык представляет собой один из основных этнических признаков. Не будет открытием постулат, что потеря языка означает исчезновение нации, а из этого следует, что судьбы языка и нации взаимосвязаны.

Помимо языка, в качестве основы культурного кода могут выступать этнические стереотипы, которые являются неотъемлемым элементом обыденного сознания. Задачу адаптации ко всем встречающимся в жизни ситуациям играют стереотипы, аккумулирующие определенный стандартизированный коллективный опыт. Индивид копирует известный ему образец поведения, который определенным образом направляет и помогает ориентироваться в жизни и в процессе обучения и общения с другими. По словам И.С. Кона, так и «каждая этническая группа... обладает своим групповым самосознанием, которое фиксирует ее – действительные и воображаемые – специфические черты» [6].

Особый научный интерес представляет изучение проблемы единства и многообразия мира в контексте глобализации. Сфера культуры, духовных ценностей, традиций, быта по-прежнему способствует сохранению многообразия мира. В условиях глобализации национальное самосознание подвергается мощному влиянию разнородных пластов, находящихся в постоянном движении, – культурных, цивилизационных, идеологических. Массовая культура укоренялась в связи с разрушением традиционалистских общинных отношений и активным распространением массовых форм образования. Под влиянием глобализации национально-обособленное отступает перед универсальным, и особое место в этом процессе играют компьютерные технологии и интернет. В условиях современного информационного общества происходит активное влияние культур друг друга, их диалог. Ю.М. Лотман говорил, что само слово «код» наталкивает на мысль о связи с техническим прогрессом, так как понятие «код» впервые появилось в технике связи. В современную цифровую эпоху искусственные коды связаны с появлением компьютеров и интернета. Переоценить роль интернета в современном мире трудно, и, возможно, неслучайно в 2003 г. шведский философ, профессор Оксфордского университета Ник Бостром заявил, что наша Вселенная может быть симуляцией другой Вселенной, «мы живем в матрице или даже в чьей-то компьютерной игре» [7].

Первоначально человечество приветствовало компьютерные технологии, призванные помогать человеку и создававшиеся для упрощения выполнения задач. В образовательных стандартах особое значение придавалось использованию мультимедийных средств образования, в том числе программы Microsoft PowerPoint. Но, как оказалось на практике, использование технических средств обучения не всегда приводит только к положительным последствиям. К примеру, в 2010 г. в американской армии разгорелся скандал, из-за которого использование данной программы оказалось под большим вопросом. Отдел образования американской армии признал, что программа имеет гипнотический, усыпляющий эффект. Кроме того, исследование показало, что 5 страниц текста несут больше информации, чем 32 слайда презентации. Американский писатель Н. Карр в книге «Пустышка. Что интернет делает с нашими мозгами» пишет, что интернет поощряет нас к потреблению несвязанных кусочков информации, вне контекста, что ведет к отказу от анализа и запоминания [8].

Еще одним примером развития технологий искусственного кода и его влияния на человеческий мозг является исследование Дж. Нильсена, который много лет изучал вопросы онлайн-чтения еще в 1990-х гг., а также оказывал консультации по вопросам дизайна веб-страниц. В 2006 г. ученый провел исследование методов чтения, использовавшихся пользователями Сети. Эксперимент Дж. Нильсена заключался в том, чтобы по движению глаз участников эксперимента камера отслеживала траекторию по мере чтения и изучения прочего контента. Как обнаружилось, подавляющее большинство участников просматривало текст по траектории, напомиравшей английскую букву F, выхватывая из текста только определенные слова. Исследование

показало, что скольжение глаз по монитору привело к тому, что для чтения больших документов остается меньше терпения. Н. Карр отмечает: «Я все чаще хочу не читать всю длинную статью, а поскорее дойти до ее окончания» [9].

Сам по себе язык не является технологией. Чтение и письмо заняли важное положение в нашей культуре, но они не являются нашими врожденными талантами и естественными для нас действиями. Как чтение, так и письмо стали возможны благодаря развитию алфавита и других технологий. Наш разум был приучен транслировать символы, которые мы видим, в язык, который понимаем. Чтение и письмо требуют обучения и практики, т. е. сознательной трансформации мозга [10].

Развитие письменности и печатной технологии способствовало усложнению механизмов запоминания и способности к глубокому мышлению. Но в современном мире интернет превращается в средство коммуникации. Функцию хранения, обработки и обмена информацией берет на себя не мозг, а именно интернет. Н. Карр считает, что мы не сможем вернуться к утраченному миру устной культуры – точно так же, как не можем повернуть часы вспять.

Информация становится «лоскутной», а наше сознание – «клиповым», мы оказываемся в среде, побуждающей нас к беглому чтению, отсутствию концентрации, что ведет к поверхностному обучению. Жан Бодрийяр отмечал, что наше сознание похоже на ядро компьютера, испытывающего вирусную атаку. Искусственный разум лишен способности мышления, потому что он безыскусен. «Подлинное искусство – это искусство тела, охваченного страстью, искусство знака в обольщении, двойственности в жестах, эллипсиса в языке, маски на лице, искусство фразы, искажающей смысл и потому называемой остротой» [11, с. 77].

Какофония коротких замыканий, присущая Сети, между сознательными и бессознательными мыслями препятствует глубокому и творческому мышлению. Наш мозг превращается в транслятор простых сигналов [12]. Мнемозина, олицетворявшая богиню памяти, превратилась в технологию забывчивости. Сеть препятствует консолидации долгосрочных воспоминаний и усиливает напряжение на ресурсы рабочей памяти, необходимой для аналитических способностей.

В 1964–1965 гг. в течение нескольких месяцев Дж. Вейценбаум, ученый Массачусетского технологического университета, разрабатывал программу для разбора письменного текста. Данной программе предназначалось участвовать в системе распределения компьютерного времени. Ученый отмечал, что пользователи программы «вовлекались в эмоциональную связь с компьютером» и разговаривали с ним как с живым собеседником. «Элиза», так называлась программа, вызывала у людей глубокую зависимость с шокирующей быстротой.

Американский футуролог Рей Курцвейл, автор идеи постчеловека, дал обоснование технологической сингулярности – прогресса, основанного на мощном искусственном интеллекте (превосходящем человеческий) и киборгизации людей. По мнению Р. Курцвейла, постчеловек – это образ совершенного человека, лишённого эмоций, старения и неведения [13].

Все эти прогнозы и гипотезы могут сегодня выглядеть как утопия. Но уже сейчас мы становимся заложниками технического прогресса, мы зависимы от интернета и социальных сетей, что приводит к утрате ряда наших качеств. В книге «Возможности вычислительных машин и человеческий разум» Дж. Вейценбаум высказывал убеждение, что людьми нас делает именно то, что не поддается вычислениям: связи между нашими мыслями и нашим телом, опыт, который придает форму нашей памяти и мышлению, способность испытывать эмоции и сострадание [14]. Но ученый также предрекал такое состояние, которое он назвал «медленная эрозия человечности», когда все более сложные задачи будут доверены компьютерам. Как отмечал Ж. Бодрийяр, «компьютер не имеет двойника. Вот почему он не способен мыслить. Ибо способность к мышлению всегда приходит к нам от Другого» [15, с. 187].

Культурные коды, создававшиеся на протяжении всей истории человечества, призванные передавать информацию, усложнялись, влияя, в свою очередь, на развитие человеческого мозга. Но современные технологии превратили наш мозг в инструмент для получения сигналов, т. е. в элемент технологического процесса. В этом, по нашему мнению, и заключается основная угроза перехода к электронным носителям хранения информации.

Ссылки:

1. Лотман Ю.М. Избранные статьи в трех томах. Т. I. Статьи по семиотике и топологии культуры. Таллин, 1992. 480 с.
2. Петров М.К. Самосознание и научное творчество. Ростов н/Д., 1992. 267 с.
3. Штомпель Л.А. Смыслы времени. Ростов н/Д., 2001. 201 с.
4. Ницше Ф. Так говорил Заратустра: книга для всех и ни для кого / пер. В.В. Рынкевича. М., 1990. 303 с.
5. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла / пер. Л. Любарской, Е. Марковской. М., 2000. 258 с.
6. Кон И.С. Психология предрассудка // Новый мир. 1961. № 10. С. 187–205.
7. Бостром Н. А не живем ли мы в «Матрице»? Доказательство методом моделирования // Прими красную таблетку. Наука, философия и религия в «Матрице» / под ред. Г. Йеффета. М., 2003. С. 277–287.

8. Карр Н. Пустышка. Что Интернет делает с нашими мозгами / пер. с англ. П. Миронова. СПб., 2012. 253 с.
9. Там же.
10. Там же.
11. Бодрийяр Ж. Указ. соч. С. 77.
12. Карр Н. Указ. соч.
13. Курцвейл Р. Эволюция разума. Как расширение возможностей нашего разума позволит решить многие мировые проблемы / пер. с англ. Т.П. Мосоловой. М., 2016. 445 с.
14. Вейценбаум Дж. Возможности вычислительных машин и человеческий разум. От суждений к вычислениям / под ред. А.Л. Горелика. М., 1982. 368 с.
15. Бодрийяр Ж. Указ. соч. С. 187.

References:

- Baudrillard, J, Luybarskaya, L & Markovskaya, E (trans.) 2000, *The Transparency of Evil: Essays on Extreme Phenomena*, Moscow, 258 p., (in Russian).
- Bostrom, N 2003, 'Are We Living in the Matrix? The Simulation Argument', in G Yeffeth (ed.), *Taking the Red Pill. Science, Philosophy and Religion in the Matrix*, Moscow, pp. 277-287, (in Russian).
- Carr, N & Mironov, P (trans.) 2012, *The Shallows: What the Internet is Doing to Our Brains*, St. Petersburg, 253 p., (in Russian).
- Kon, IS 1961, 'The Psychology of Prejudice', *Novy mir*, no. 10, pp. 187-205, (in Russian).
- Kurzweil, R & Mosolova, TP (trans.) 2016, *How to Create a Mind: The Secret of Human Thought Revealed*, Moscow, 445 p., (in Russian).
- Lotman, YuM 1992, *Selected Articles in Three Volumes, Vol. I. Articles on Semiotics and Topology of Culture*, Tallinn, 480 p., (in Russian).
- Nietzsche, F & Rynkevich, VV (trans.) 1990, *Thus Spoke Zarathustra: A Book for All and for None*, Moscow, 303 p., (in Russian).
- Petrov, MK 1992, *Self-Awareness and Scientific Creativity*, Rostov-on-Don, 267 p., (in Russian).
- Stompel, LA 2001, *The Meaning of Time*, Rostov-on-Don, 201 p., (in Russian).
- Weizenbaum, J & Gorelik, AL (ed.) 1982, *Computer Power and Human Reason: From Judgment to Calculation*, Moscow, 368 p., (in Russian).